

УДК 321.01

А. И. Лысюк

д-р полит. наук, профессор,
кафедра политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина,
к. 324, бул. Космонавтов, 21,
Брест, 224016, Беларусь,
Тел.: +375 29 601 64 46,
E-mail: lysiukanatoli@gmail.com
DOI: [http://dx.doi.org/10.18524/2304-1439.2018.2\(31\).144306](http://dx.doi.org/10.18524/2304-1439.2018.2(31).144306)

ДОСТОЕВСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ

В статье изучается проблема интеграции политических идей Достоевского в политический процесс постсоветской России. Прослеживается их связь с идеями современных русских консерваторов, государственной политикой В. Путина. Указывается как на их общность, так и различия, в особенности относительно попыток последних по своеобразному скрещиванию идей русского консерватизма и сталинского социализма. Критике подвергаются идеи социализма и либерализма, главным образом за их утилитарность, пренебрежение религией, «высшими смыслами» и душой человека. Особое значение придается изучению исторических корней ориентации современной России на внешнюю экспансию.

Ключевые слова: русский консерватизм, славянофильство, сталинизм, социализм, либерализм, христианство.

Постановка проблемы и анализ последних исследований. Несмотря на то, что политические идеи Ф. М. Достоевского укоренены в социальную ткань XIX века, они не только не теряют своей актуальности, но и многие из них выступают в виде идеологического оружия ряда современных политических акторов. При этом спектр потенциальных выгодополучателей среди современных интерпретаторов его политического творчества широк: от коммунистов до радикальных панславистов. Так, лидер КПРФ Г. Зюганов утверждает, что колоссальной исторической заслугой Достоевского является призыв к переориентации России на Восток и на борьбу с Западом, что в полной мере проявилось в политической практике СССР и чему обязана следовать постсоветская Россия.

В свою очередь, такие сторонники концепции евразийства как Дугин и К^о, не без оснований подозреваемые в симпатиях к русскому фашизму, воспринимают Достоевского как глашатая «Русской Консервативной Революции», в политическом творчестве которого, по их убеждению, наблюдается сочетание национального, религиозного, социалистического, антизападного и теллурократического, т.е. ориентации на аннексию сопредельных государств, что позволяет называть его «национал-большевиком». Поэтому для Дугина Достоевский актуален и сегодня, и слово «Достоевский» пахнет «кровью и выбором, порохом баррикад и гноем нищих в переходах.

Битва за тонкий дух России... идет всерьез и страшно» [1]. И в этой битве великий писатель изо дня в день сражается на стороне русских.

С либерального фланга политических интерпретаций даже можно прочитать прямые обвинения в адрес Достоевского, называя его ярким антиинтеллектуалом, «шовинистом № 1 среди литераторов», «панславянским фашистом, лелеющий идею мирового господства» и т. п. [2].

Однако наибольшее распространение получил вариант актуализации творчества Достоевского через надделение его ролью одного из создателей современной версии русского консерватизма, взятого на вооружение государственной элитой РФ. Действительно, правящая партия «Единая Россия» уже в 2009 г. заявила о себе как носителе идеологии консерватизма, В. Путин и Д. Медведев в публичном пространстве также выступают как адепты этой доктрины, призванной стать национальной идеологией российского государства. Существует и группа ученых, констатирующих очевидный кризис идеологии российского либерализма и разработавших базовые параметры современного русского консерватизма, которые правящая элита уже в той или иной степени интегрирует во властные решения [3–6]. При этом указывается на наличие в русском консерватизме как «идеологического», концептуального начала, так и «политического» («прагматического»), т.е. способа организации политических практик, системы государственного лидерства.

Своеобразным политическим манифестом в этом отношении являются труды еще недавно декана социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова профессора В. Н. Добренькова о современном русском консерватизме, которые будут детально рассмотрены в данной статье. Их эвристическая ценность выражается в том, что автор стремится избежать политико-идеологических крайностей, ориентирован на консолидацию базовых идей русской версии консерватизма и нацелен на наведение прочных мостов современной политической практики В. Путина с идеологическим наследием славянофилов, в том числе и идеями Достоевского. Преодоление кризиса российского общества он видит в создании общенациональной идеи, «вокруг которой можно было бы объединить российское общество и в основе которой лежат традиционные для россиян качества» [7, с. 25].

По утверждению американского политика Генри Киссинджера, В. Путин «вышел» именно из Достоевского. Речь идет не только об определенных идеологических постулатах русского мыслителя, артикулируемых президентом РФ, но и о психологии авторитарного властвования, детально и убедительно разработанной в «Бесах» и «Братьях Карамазовых». Социологический анализ этих произведений позволяет выявить важные закономерности и политической жизни постсоветского российского общества, поскольку, как утверждает М. М. Бахтин, всякое литературное произведение Достоевского «внутренне, имманентно социологично. В нем скрещиваются живые социальные силы, каждый элемент его формы принизан живыми социальными оценками» [7, с. 181].

Достоевский создал оригинальную политическую концепцию, выходящую за рамки славянофильства. Более того, по ряду параметров она наце-

лена против современных адептов этой идеологии, особенно относительно интеграции идей славянофильства, социализма и сталинизма, что в некотором смысле позволяет согласиться с утверждением современного российского аналитика А. Колесникова, что «мы — нация Достоевского, которая Достоевского не читала. Или прочла не до конца» [9].

Целью данной работы является критический анализ содержания политических идей Достоевского сквозь призму их интеграции различными политическими акторами в современный политический и идеологический процесс РФ. В процессе анализа автор использовал общеполитические методы, отдельные компоненты сравнительного анализа и социального конструктивизма, концепцию «полифонического романа» Достоевского М. М. Бахтина.

Достоевский и современный русский консерватизм: зоны симфонии. Первоначально следует назвать некоторую совокупность универсальных славянофильских идей, которые Достоевский воспроизводит в своих как художественных, так и публицистических произведениях, и по поводу которых у него наблюдается идеологическое сродство с современными российскими консерваторами. Это, в первую очередь, провозглашение России страной, обладающей высокой духовностью и особой, чрезвычайно благородной социальной миссией, поскольку «в русском характере замечается... резкая особенность, что в нем по преимуществу выступает способность высокосинтетическая, способность всепримиримости, всечеловечности». В силу этого «великая наша Россия... скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое, здоровое и еще неслыханное миром слово» во благо соединения «всего человечества новым, братским, всемирным союзом» [10, с. 38, 307].

Это и восприятие в качестве враждебной западной цивилизации, которая якобы уже вступила в фазу разрушения, отойдя, в отличие от России, от традиционных (и религиозных) ценностей. Наиболее сильные критические стрелы адресуются полякам, французам, немцам, а также католицизму и протестантизму за их приверженность к секуляризации высших ценностей и церковных институтов.

Это и манифестация православного мировоззрения как духовной парадигмы, призванной очеловечить и возвысить окружающий социальный мир, поскольку, по его мнению, именно православие единственная из всех христианских конфессий слышит и следует голосу Христа. По этой причине предполагается усиление роли православной церкви при принятии государственных решений и организации общественной жизни. В случае же утраты религиозной веры, веры предков русский народ, по убеждению Достоевского, обречен на гибель. Да и возможные бунты в России начинаются именно с атеизма, что, собственно говоря, подтвердила и большевистская революция октября 1917 г.

Это и ориентация на спасение социального мира (не только западного) от буржуазности и меркантилизма («жидовства»), которые являются наиболее отчетливыми проявлениями человеческой узости, алчности и утилитарности.

Это и нацеленность на имперскость, на внешнюю экспансию как духовную, так и территориальную: Москва должна стать не только «третьим Римом», гегемоном Европы, но и раздвинуть свои границы на Восток, в Азию, для народов которой имя белого царя должно стать выше «ханов и эмиров, превыше индейской императрицы». И сделать это следует не в силу некоторой утилитарной необходимости, а по причине высших соображений: «Во имя чего же, во имя какого *нравственного* права могла бы искать Россия Константинополя?.. — пишет Достоевский, — как предводительница православия, как покровительница и охранительница его, — роль, предназначенная ей еще с Ивана III... Это будет настоящее воздвижение Христовой истины, сохраняющееся на Востоке... и окончательное слово православия, во главе которого давно уже стоит Россия» [10, с. 180–181]. Очевидно, что в «эпоху Путина» претензии РФ на глобальное лидерство и контроль за прилегающими к ней территориями и народами четко обозначились, несмотря на ограниченность экономических и культурных ресурсов.

Это и актуализация проблематики славянства и славянской солидарности и, как частный пример этого, поддержка сербов в их противостоянии с Турцией и все для того, чтобы «воплотить и создать в конце концов великий и мощный организм братского союза племен, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, бескорыстием, светом». Подобное попечение должно проявляться из чувства «материнского призвания», несмотря на убеждение об ожидаемой неблагодарности этих народов по отношению к России по причине их неискоренимого стремления приобщиться к европейским народам. «Особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия — страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации... Все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами» [10, с. 366, 368]. Современная политическая практика свидетельствует о верности этой идеи, поскольку ориентации всех славянских народов Европы (единственным исключением является Беларусь), включая Сербию, Черногорию и Украину, на вступление в Евросоюз уже засвидетельствованы на высшем государственном уровне.

Это и провозглашение симфонии в отношениях между монархом и его народом, в полном соответствии с уваровской формулой «Православие, самодержавие, народность». Как отмечал Достоевский, «у нас в России и нет никакой силы, зиждущей, сохраняющей и ведущей нас, как эта органическая, живая связь народа с царем своим, и из нее у нас все и исходит» [10, с. 424]. Современные российские консерваторы тоже являются сторонниками усиления политической автократии в стране.

Это и настаивание на оригинальном, чисто «русском», проекте организации политической жизни, отрицающей ценность либеральной демократии, и убежденность в том, чтобы принимаемые в стране законы были

укоренены в російську почву, виводились із традицій російського народу, а не заїмствувались із «інородних» західних образців.

Ето і впевненість в тому, що подлинная політика може бути тільки моральною політикою. В ХХІ столітті цей тезис зберіг своє значення, виступив складовою частиною Манифеста російського консерватизма: «Построение російського суспільства можливо в першу чергу на моральних основах, а потім уже — на юридических і економічних» [11, с. 23].

Ето і негативне ставлення до революційному (насильственному) перетворенню суспільства, але при позитивному ставленні до використання Росією сили в міжнародній політиці.

Достоевський і сучасний російський консерватизм: зони какофонії. Наряду з общністю позицій у Достоевського і у сучасних адептів російського консерватизма існують суттєві розходження.

Первоначально відзначимо, що якщо для Достоевського характерно принципове заперечення «червоної ідеї», ідеї соціалізму, то для В. Н. Добренєвкова і його сторонників ця ідея безумовно позитивна, в особливості в сталінському форматі. Характерним в цьому відношенні є наступне його твердження: «В період найбільш динамічного розвитку Росії — в сталінську епоху — уваровська формула і ідеї російських консерваторів були реалізовані, хоча і на іншій основі. Замість самодержав'я була запропонована абсолютна влада генерального секретаря... І. В. Сталіна, замість православія — комуністическа ідеологія і радянський патріотизм, замість культу Святої Тройці — культ основоположників марксизму-ленінізму і І. В. Сталіна, замість культу православних святих — культ героїв, здійснивши ратні і трудові подвиги на благо соціалістического Вітчизни, замість небесного раю — ідеальне комуністическе суспільство, замість кодексу християнської етики — кодекс будівельника комунізму... замість принципу народності — захист інтересів трудового народу, трудящися, єдність влади і народу... Фактично був створений секулярний, світський варіант традиційної російської ідеології» [11, с. 13]. Інші ж дослідники впевнені, що російський консерватизм дозволяє здійснити навіть синтез «червоної ідеї» і «білої ідеї», подолавши через це політичний і духовно-моральний розкол російського суспільства» [4, с. 78].

В цьому відношенні Достоевський був предтечею ідей російських релігійних філософів про несумісність християнства і комуністических ідей. Він багаторазово висловлював негативне і предельно критическе ставлення до соціалістам різних напрямків з чітким позначенням виходячих від них соціальних ризиків через ісповедуваного ними атеїзму і аморальності. Як справедливо відзначав Н. Бердяєв: «Человек єсть релігійне тваринне і, коли він заперечує істинного, єдиного Бога, він створює собі ложних богів, ідолів і кумирів, і поклоняється їм... Особливо ненавидів Ленін спробу з'єднати християнство з соціалізмом» [12, с. 131]. Дійсно, самі класики ідеології комунізму і їх послідовники до недавніх днів виступали не тільки як просто богоборці, але як «воїнствующі атеїсти».

Кроме этого, как подчеркивает Ю. Г. Кудрявцев, «Достоевский рассматривает социализм как элемент европеизма, как порождение в конечном счете буржуазности», а также он «сомневается в разумности самого разума социалистов», полагая, что «их разум ограничен, что социалисты «мыслью не орлы», ибо упрощают человека. Ставят логику выше жизни, сводят человека к механике» [13, с. 94]. Все это приводит его к убеждению о невозможности обустроить разумный миропорядок на социалистических принципах.

Серьезное различие между Достоевским и современным русским национализмом наблюдается и по отношению к Европе. С точки зрения В. Н. Добренькова, «всему нашему обществу необходимо раскрыть глаза на то, что именно западный либерализм является нашим непримиримым врагом, ибо он ставит своей целью подчинение России Западу и уничтожение ее самостоятельности, суверенитета». Эта враждебность носит исторический характер и «Запад... всегда был, есть и будет враждебен России... Нашей стране необходимо сменить ориентиры, отвернуться от Запада и повернуться к Востоку и Югу» [11, с. 31, 52]. Отсюда неизбежность холодных, горячих, а теперь уже гибридных войн, к которым необходимо готовиться, укрепляя обороноспособность страны и дух патриотизма народа, что и происходит в современной РФ. Современный аналитик А. Колесников рассматривает подобную позицию как проявление безграничного нарциссизма, усугубленного политической шизофренией — «комплексом неполноценности по отношению к Западу и одновременно синдромом «духовного» превосходства над ним» [9].

Для Достоевского же отношение к Европе, скорее, сострадательное, а не враждебное. Сострадательное в том смысле, что, она воспринимается как кровнородственная русской душе, но только пораженная язвами либерализма, меркантилизма и материализма. «А между тем нам, — отмечает он, — от Европы никак нельзя отказаться. Европа нам второе отечество, — я первый страстно исповедую это и всегда исповедовал. Европа нам почти так же *всем* дорога как Россия». Поэтому Достоевский предлагает Европе проект спасения под сенью России, ибо, в его представлении, именно ей принадлежит «будущность Европы», где «уничтожатся все великие державы... по весьма простой причине: они все будут обессилены и подточены неудовлетворенными демократическими стремлениями огромной части своих низших подданных» [10, с. 157, 256].

Многие религиозные мыслители начала XX века предостерегали русский народ от попыток обожествления и создания культа вождей будущей русской революции. В. Н. Добреньков же как раз на этом настаивает, полагая, что в результате многовековой политики государственного патернализма в широких слоях российского общества сформировался «авторитарный человек», который, с одной стороны, относится к власти как к сакральной ценности, но, с другой стороны, таким образом он относится так не ко всякой власти, но лишь к сильной. Подобный человек отвергает все демократические проекты и запрограммирован на поиск и растворение в персоне авторитарного правителя. Поэтому, по мнению современных

русских консерваторов, «наша страна ждет появления полновластного и авторитетного вождя, вокруг которого она могла бы объединиться и сплотиться. Мы — вождистская, патерналистская, авторитарно-патриархальная страна, и нам нужен строгий и справедливый вождь, отец нации... Граждане России... воспринимают власть очень лично, доверяя не институту президентства как таковому, а конкретному человеку, на этом посту пребывающему («помазаннику Божьему»)» [11, с. 33]. В их понимании В. Путин существенным образом соответствует этому ментальному запросу, поэтому оценки его деятельности находятся вне сферы прагматичных соображений, а взвешиваются на иных исторических весах: духовной миссии, личного доверия, Божественного Провидения и т. п.

Кроме этого, современные русские консерваторы при всей пронародной риторике с большим скепсисом взирают на современного гражданина РФ, полагая, что он отошел от традиционных ценностей, а поэтому ответственность за нацию — и государственное строительство возлагается на высшего правителя и небольшой слой его приближенных.

Достоевский исходит из другого принципа, ратуя за «сближение с народом образованных классов» и необходимость «отказаться от наших сословных предрассудков и эгоистических взглядов... Нужно полюбить народ, но любовью вовсе не кабинетною, но сентиментальною» [10, с. 83].

Посредством этого достигается пробуждение лучших черт и жизненных сил народа, до поры и времени скрывааемых, закупоренных и пребывающих втуне. Как отмечает Достоевский, «в русском человеке из простонародья нужно уметь отвлекать красоту его от наносного варварства... Судите народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно воздыхает... А идеалы его сильны и святы; они срослись с душой его искони и наградили ее навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и все это в самом привлекательном гармоническом соединении» [10, с. 83, 143–144]. И все это потому, что больше всего на свете русский человек любит образ Христа.

Однако этому же человеку по природе своей свойственны и крайности: про русского человека «рассказывают и печатают ужасы: пьянство, разбой, пьяные дети, пьяные матери, цинизм, нищета, бесчестность, безбожие». Однако даже погруженный в греховную темноту, образно говоря, однажды, «в последний момент» «очнется Влас и возьмется за дело Божие» [10, с. 116]. Почему он это сделает, по какой причине и вследствие чего верх возьмет положительная крайность, Достоевский умалчивает. Мы же, зная историю большевистского переворота и его последствий, отдаем себе отчет в том, что глубочайшим заблуждением Достоевского была уверенность в истинности и искренности любви русского народа к Христу и к православью. В реальности народ отдал предпочтение другим богам.

Очевидно, что в современной России в системе государственной власти усиливается авторитарный тренд. Об опасности создания системы личной власти предупреждал Достоевский, обращаясь к образу антихриста (Великого инквизитора). Он указывал на то, что комплекс неполноценности

людей способен породить безудержное стремление к власти с целью приобретения «земных грязных благ» и порабощения других, «вроде будущего крепостного права», где они станут вроде помещиками [14, с. 307].

Сам же культ личности основывается на использовании эффективных методов политического управления. Как утверждает Великий инквизитор, «есть три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их же счастья, — эти силы: чудо, тайна, авторитет» [14, с. 301]. Обладание этими силами дает право правящей элите на распоряжение совестью и свободным духом подданных, на демонстрацию собственного всемогущества и всезнания, на искусственное создание политического авторитета, на окутывание властвующей персоны тайной и, обязательно, на внушение людям страха, чему следует и политический класс современной РФ.

Выводы. В творчестве Достоевского (преимущественно в романах «Бесы», «Братья Карамазовы», дневнике и политической публицистике) представлена широкая гамма политических идей, некоторые из которых обладают пронзительно пророческим характером, предостерегают от социальных соблазнов, дают ответы на целый ряд актуальных современных политических вызовов.

В своем большинстве они основаны на базовых принципах славянофильства, которые воспроизводятся в современном русском консерватизме, политике В. Путина (претензии на политическое миссионерство и духовное превосходство над другими народами, ориентация на внешнюю экспансию, симфонии в отношениях между монархом и его народом и др.).

Другие же идеи русского мыслителя вступают в непосредственный конфликт с современными славянофилами и евразийцами, особенно относительно попыток своеобразно скрестить идеи русского консерватизма и сталинского социализма и в целом представить Достоевского в качестве одного из родоначальников «красной идеи». Выражается и несогласие относительно обвинений в его сторону о приверженности идеям русского фашизма. Одновременно при всех симпатиях к государственному авторитаризму для него принципиальное значение имеет не просто пробуждение лучших черт и жизненных сил народа, но и его активная вовлеченность в политический процесс.

Кроме этого, Достоевским атакуются принципы консюмеризма, все более широко распространившиеся в современном мире, а также констатируются риски рождения различных социальных и личностных пороков, проистекающих из атеизма и либерализма.

Список использованной литературы

1. Дугин А. Русские игры Ленкома (О спектакле «Варвар и еретик» Марка Захарова). *Арктогея*. 2016. URL: <http://arctogaia.com/public/txt-igrok.htm> (дата обращения 08.09.2018).
2. Векслер В. Против Достоевского. Эссе-разоблачение / Атеистический сайт. 28 марта, 2016. URL: <http://www.ateism.ru/article.htm?no=2405>. (дата обращения 01.09.2018).
3. Бабурин С. Н. Русский консерватизм как часть современной политической культуры. М.: Книжный мир, 2013. 160 с.

4. Давыдов А., Устинкин С. Консервативная идеология в политической системе современной России. *Власть*. 2010. № 11. С. 78–79.
5. Панарин А. С. Русская культура перед вызовом постмодернизма. М.: Институт философии РАН, 2005. 188 с.
6. Попов Э. А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2005. 193 с.
7. Добренъков В. И. Русский консерватизм как идеология возрождения и развития России. *Вестник МГУ. Сер. 18: Социология и политология*. 2011. № 1. С. 5–26.
8. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
9. Колесников А. Как российская политика рифмуется с Достоевским. *Ведомости*. 2018. 8 августа. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2018/08/08/777623-rossiiskaya-politika-dostoevskim> (дата обращения 08.08.2018).
10. Достоевский Ф. М. Политическое завещание: сб. статей за 1861–1881 гг. М.: Алгоритм, 2006. 480 с.
11. Добренъков В. И. Консерватизм — национальная идеология России. *Вестник МГУ. Сер. 18: Социология и политология*. 2011. № 2. С. 3–53.
12. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
13. Кудрявцев Ю. Г. Три круга Достоевского (Событийное. Социальное. Философское). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 344 с.
14. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. *Собрание сочинений: в двенадцати томах*. Т. 11. М.: Правда, 1982. 623 с.

References

1. Dugin, A. «Russkie igry Lenkoma (O spektakle «Varvar i eretik» Marka Zakharova).» *Arktologiya*, 2016. Accessed 2.08.2018. <https://arcto.ru/article/2016/>.
2. Veksler, V. «Protiv Dostoevskogo. EHsse-razoblachenie.» *Ateisticheskij sajt*. Marta 28, 2016. Accessed 2.08.2018. <https://ateism.ru/article.htm?no=24105>
3. Baburin, S. N. «Russkij konservatizm kak chast' sovremennoj politicheskoy kul'tury.» М.: Knizhnyj mir, 2013.
4. Davydov, A., Ustinkin, S. «Konservativnaya ideologiya v politicheskoy sisteme sovremennoj Rossii.» *Vlast'*. 11 (2010): 78–79.
5. Panarin, A. S. «Russkaya kul'tura pered vyzovom postmodernizma.» М.: Institut filosofii RAN, 2005.
6. Popov, E. H. A. «Russkij konservatizm: ideologiya i sotsial'no-politicheskaya praktika.» Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2005.
7. Dobren'kov, V. I. «Russkij konservatizm kak ideologiya vrozozhdeniya i razvitiya Rossii.» *Vestnik MGU. Ser. 18 «Sotsiologiya i politologiya.»* 1 (2011): 5–26.
8. Bakhtin, M. M. «EHstetika slovesnogo tvorchestva.» М.: Iskusstvo, 1979.
9. Kolesnikov, A. «Kak rossijskaya politika rifmuetsya s Dostoevskim. Vedomosti. Avgust 8, 2018. Accessed 8.08.2018. <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2018/08/08/777623-rossiiskaya-politika-dostoevskim>
10. Dostoevskij, F. M. «Politicheskoe zaveshhanie: Sb. statej za 1861–1881 gg.» М.: Algoritm, 2006.
11. Dobren'kov, V. I. «Konservatizm — natsional'naya ideologiya Rossii.» *Vestnik MGU. Ser. 18 «Sotsiologiya i politologiya* » 2 (2011): 3–53.
12. Berdyayev, N. A. «Istoki i smysl russkogo kommunizma.» М.: Nauka, 1990.
13. Kudryavtsev, Y. U. G. «Tri kruga Dostoevskogo (Sobytijnoe. Sotsial'noe. Filosofskoe).» М.: Изд-во Моск. un-ta, 1979.
14. Dostoevskij, F. M. «Brat'ya Karamazovy»: «Sobranie sochinenij v dvenadsati tomakh.» Том 11. М.: Изд-во 'Pravda', 1982.

Стаття надійшла до редакції 1.09.2018

А. І. Лисюк

кафедра політології та соціології

Брестського державного університету імені А. С. Пушкіна,

к. 324, бул. Космонавтів, 21, Брест, 224016, Білорусь

ДОСТОЄВСЬКИЙ ТА СУЧАСНИЙ РОСІЙСЬКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ

Резюме

У статті розглядається проблема інкорпорації політичних ідей Достоевського у політичний процес пострадянської Росії. Проаналізовано широкий спектр сучасних користувачів його політичної діяльності: від комуністів до радикальних панславистів. Простежується зв'язок ідей Достоевського з ідеями сучасних російських консерваторів, правлячої еліти та державної політики Володимира Путіна. Вказується як на їх спільність, так і на відмінності, зокрема спроби останнього об'єднати ідеї російського консерватизму та сталінського соціалізму, щоб виправдати «червону ідею». Відзначено, що Достоевський створив оригінальну політичну концепцію, яка виходить за рамки слов'янофільства. У роботі досліджується критичне ставлення Достоевського до ідей соціалізму та лібералізму, головним чином за їх утилітаризм, ігнорування релігії, «найвищих значень», душі і нації людини. У конструкції Достоевського особлива увага приділяється аналізу історичних коренів російської сучасної орієнтації на зовнішню експансію, поширення впливу на Схід, збереження слов'янського світу та боротьби із Заходом з позитивним ставленням до використання російської сили в міжнародній політиці. Вивчаються причини посилення політичної ролі православної церкви в країні та світі. Важливими є принципи політичної етики, розроблені Достоевським, та необхідність надати «моральний звук» політиці. Існує розбіжність у звинуваченнях щодо його прихильності до ідей російського фашизму. У певному сенсі можна сказати про популярність деяких його ідей, некритично і надмірно ідеально «намалювати» образ російської людини. Вивчаються психологія та технологія авторитарного правління, що розробляються Достоевським, що широко представлено в політичній практиці сучасної Росії.

Ключові слова: російська консерватизм, слов'янофільство, сталінізм, соціалізм, лібералізм, християнство.

A. I. Lysiuk

Department for Political Science and Sociology,
Brest Pushkin State University,
r. 324, Kosmonavtov bul., 21, Brest, 224016, Belarus

DOSTOYEVSKY AND MODERN RUSSIAN CONSERVATISM

Summary

This article examines the issue of Dostoyevsky political ideas integration in the political process of post-Soviet Russia. The broad spectrum of modern interpreters of his political work is analysed: from communist to radical panslavists. It can be seen connection of Dostoyevsky's ideas with the ideas of contemporary Russian conservatives, ruling elite and Vladimir Putin's state policy. It is indicated both their commonness and differences, in particular, attempts of the latter to combine the ideas of Russian conservatism and Stalinist socialism, to justify the «red idea». It is noted, that Dostoyevsky has created an original political conception, which goes beyond the slavophilism frame. It is studied Dostoyevsky's critical attitude towards the ideas of socialism and liberalism, mainly for their utilitarianism, disregard of religion, «highest meanings» and man's soul and nation. In Dostoyevsky's construct special focus is on the study of historical roots of Russian modern orientation to external expansion, spreading its influence to the East, saving the Slavic world and towards fighting the West, with a positive attitude towards Russia's force use in international politics. The reasons of the Orthodox Church political role strengthening in the country and the world are studied. The important are principles of political ethics developed by Dostoevsky and the need to impart a moral sound to politics. There is a disagreement about accusations regarding his adherence to the ideas of Russian fascism. In some sense, it can be said about populism of some his ideas, uncritically and excessively ideally «drawing» the image of a Russian man. The psychology and technology of an authoritarian rule which have been developing by Dostoyevsky are studied, which is widely presented in the political practice of modern Russia as well.

Key words: Russian conservatism, Slavophilism, Stalinism, socialism, liberalism, Christianity.